УДК 811.111

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-54-63

КОНЦЕПТЫ «ETHICS», «MEMORY», «POWER» В КРОСС-ЖАНРОВЫМ СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЬЕТ ТАН НГУЕНА «NOTHING EVER DIES» И «THE SYMPATHIZER»)

К. А. Мячин

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск

Введение. Предпринята попытка анализа текстового материала двух разножанровых произведений одного автора. Внимание авторов привлекли механизмы актуализации смысла на уровне слова, словосочетания и предложения. В ходе анализа были также выявлены значимые для автора концепты и описана роль концептов-регулятивов в формировании смысла, репрезентированного в текстах художественного и публицистического произведений.

Цель исследования состоит в анализе текстового материала двух разножанровых произведений и в доказательстве того, что определенный набор актуальных смыслов, представленный концептами «ethics», «memory», «power», проявляющихся в рамках текста публицистического произведения, будет также присутствовать и в концептуально-смысловом содержании художественного произведения этого же автора.

Материал и методы, которые были использованы в лингвистическом анализе, представлены концептуальным, структурным и стилистическим анализом текста, ассоциативно-смысловой интерпретацией текста в контексте коммуникативной и антропоцентрической парадигм; морфологическим, лексическим и синтаксическим анализом текста с выделением отдельных его уровней, представленных словом и высказыванием. Материалом исследования выступают произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer» и «Nothing ever dies» общим объемом 727 страниц.

Результаты и обсуждение. Полученные результаты подтвердили рабочую гипотезу. Смысловая доминанта «memory» внутри смыслового поля «love – life – war – memory – sensation», обнаруженная ранее в «The Sympathizer», остается таковой и в публицистическом произведении «Nothing ever dies». Анализ произведения «Nothing ever dies» подтвердил сохраняющуюся актуальность доминантного концепта «memory», значимого концепта «power», а также позволил выделить и описать свойства концептов-регулятивов «ethics» и «dual».

Заключение. Стилистический, синтаксический, концептуальный и структурный анализ двух текстов позволил выделить ранее не отмеченные нами функциональные концепты-регулятивы «ethics» и «dual», реализуемые в речи в связках с другими концептами, демонстрирующими большую субстанциональность, но меньшую функциональность, – «memory» и «power». Двойственность концепта «memory» не является внутренним атрибутом этого концепта, а возникает под влиянием концепта-регулятива «dual». Это же справедливо для других субстанциональных концептов, таких как, например, «power».

Ключевые слова: концепт, концепт-регулятив, разножанровые произведения, публицистическое произведение, дискурс, передача смысла.

Введение

Художественный и публицистический тексты относятся к разным литературным жанрам. Выбирая тот или иной стиль литературно-художественного творчества, автор выбирает определенные правила игры, которым он должен будет подчиняться. Стилистически и внутренне-структурно различные, разножанровые тексты, однако, способны одинаково успешно доносить авторские смыслы до читателя. В данной статье мы осуществили анализ текстового материала двух разножанровых произведений одного автора. Наше внимание привлекли механизмы актуализации смысла на уровне слова, словосочетания и предложения. В ходе нашего анализа мы также выявили значимые для автора концепты и описали роль концептов-регулятивов в формировании смысла, репрезентированного в текстах художественного и публицистического произведений.

Материал и методы

В ходе анализа текстов публицистического и художественного произведений одного автора были использованы следующие общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция и классификация полученных данных; а также собственно лингвистические методы, такие как: концептуальный и структурный анализ текста, стилистический анализ текста, ассоциативно-смысловая интерпретация текста в контексте коммуникативной и антропоцентрической парадигм; морфологический, лексический и синтаксический анализ текста с выделением отдельных его уровней, представленных словом и высказыванием.

Для сравнения разножанровых произведений мы использовали сравнительно-сопоставительный метод анализа, включая как сравнение и сопоставление вновь полученных лингвистических фактов, так и сравнение с опубликованными нами ранее

данными. Гипотезой нашего исследования является следующее предположение: определенный набор актуальных смыслов, представляющий концепты «ethics», «memory» и «power», проявляющихся в рамках текста публицистического произведения, будет также присутствовать и в концептуально-смысловом содержании художественного произведения этого же автора.

Мы также предполагаем, что влияние норм выбранного автором стиля произведения, публицистического или художественного, не будет ограничивать самого автора в выборе того понятийно-концептуального содержания контекста, которое необходимо ему для реализации своего художественного, гуманитарного и личностно-творческого замысла. Между тем ожидаемы и определенные различия в смысловой нагрузке двух разных по стилю произведений.

Исследование, описанное в рамках данной статьи, содержит элементы сравнительного анализа двух разножанровых произведений одного автора (с опорой на ранее полученные данные) и приемы, выявляющие сходные и различные понятийно-концептуальные особенности, формирующие смысловое поле сообщаемого автором.

Результаты и обсуждение

Анализ определения стилей, которые даны в «Большом лингвистическом словаре» (БЛС), показывает, что художественное произведение «The Sympathizer» [1] является в большей степени стандартным с точки зрения его функциональной типизации по определению, данному в словаре. Оно «характеризуется широким использованием синонимов, многозначных слов, различных тропов (эпитетов, метафор, сравнений), а также диалектизмов, жаргонизмов, профессионализмов. Стиль художественной литературы реализуется в рассказах, повестях, романах...» [2, с. 691].

Публицистическое произведение Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» [3] стандартизировать по описанию, данному в БЛС, несколько сложнее, поскольку с точки зрения его функции и содержания произведение полностью вписывается в представления о норме публицистического произведения: «основные функции публицистического стиля – информационная и воздействующая... Строгая логичность изложения материалов, их фактологическая точность, употребление терминологической лексики объединяет публицистический стиль с научным, а эмоциональность, использование образно-выразительных средств – со стилем художественной литературы» [2, с. 506–507].

Изучив формат реализации «Nothing ever dies» [3], можно прийти к выводу, что эта работа несколько выходит за рамки словарного определения:

«Реализуется публицистический стиль в таких жанрах, как статья, очерк, фельетон, зарисовка, памфлет, открытое письмо, заметка, репортаж и др.» [2, с. 506–507]. Другими словами, текстовый объем произведения в 304 страницы (без указания ссылок и пр.) не входит в привычные рамки статьи, очерка, фельетона, зарисовки, памфлета, открытого письма, заметки или репортажа. Взяв во внимание содержательно-концептуальную основу произведения и то, как она реализована с позиций функционального стиля, можно было бы предложить такое жанровое наименование этого произведения, как, например, философско-публицистический роман. Для того чтобы избежать многословности, оставляем за собой право использовать наименование «публицистическое произведение» и другие производные формы.

Первая глава философско-публицистического произведения Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» [3] называется «Ethics» – этика, определяемая словарем философских терминов следующим образом: «раздел философии, изучающий человеческое поведение и совместную жизнь людей в аспекте их обусловленности законами свободы; наука о морали» [4, с. 708].

Этическое мировоззрение осознается и интерпретируется автором как жизненная необходимость и фундаментальная ценность, что делает возможным описание нами этого понятия с применением лингвистического термина «концепт» как входящего в концептуальную картину мира, а следовательно, и в языковое сознание Вьет Тан Нгуена.

Мы придерживаемся общепризнанного в лингвистике понимания понятия «концепт», которому, например, В. И. Карасик дает следующее определение: «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [5, с. 29]. З. Д. Асратян в своей статье «Эстетическая информация художественного текста и ее концептуализирующая роль» отмечает, что «Концепт в художественной литературе имеет дуалистическую природу, включающую как смысловой, так и эстетический компоненты. Авторская картина мира отражает не только его, автора, взгляд на мир, но и его систему эстетических приоритетов...» [6, с. 10]. Интересен взгляд зарубежного ученого Джимми ван Рийта, который дает краткое, но содержательное определение понятия «концепт» как «абстрактной реальности сознания»: «Following Kimball (2007), concepts can be defined as “abstract realities of the mind» [7, с. 78].

Мы предполагаем, что концепт «ethics» не пассивен в языковом сознании автора, а является активно действующим концептом-регулятивом (по В. И. Карасику) [5], способным связываться

с множеством других концептов, такими, например, как доминантный авторский концепт «memo-gy» или значимый концепт «power». Доказательства справедливости нашего предположения будут представлены далее по тексту.

Концепт «ethics», демонстрируя ярко выраженный оценочный признак в своем составе, демонстрирует способность соединяться с фундаментально значимыми для языкового сознания автора концептами «memo-gy» и «power». Способность концепта «ethics» связываться с концептом «memo-gy» наглядно представлена уже в оформлении структуры содержания главы, которая состоит из трех частей, репрезентирующих ее содержание: «On remembering one's own», «On remembering others», «On the inhumanities» («ethics» – «memo-gy»; «ethics» – «inhumanity») [3].

«These dead victors inhabited every neighborhood, their resting places constituting the most visible and brooding reminders in this country of the ethics of remembering one's own» [3, с. 23–24]. Содержание этого предложения демонстрирует смысловую связь понятий «ethics» – «memo-gy», выраженную словосочетанием «ethics of remembering one's own», в дословном переводе: «этика памяти своих» (перевод здесь и далее по тексту наш. – К. М.).

Захоронения погибших вьетнамских солдат находятся в каждом районе города или деревни современного Вьетнама; они вызывают тягостные чувства у посетителей и служат культурным актом реализации этики памяти своих. Концепт «ethics» выступает в роли инструмента познания и анализа окружающей действительности, исторических фактов и возможного будущего, который использует автор. Слова и высказывания, репрезентирующие этот концепт и этим представляющие этическое мировоззрение автора, могут быть обнаружены во всем корпусе текста «Nothing ever dies» [3] и не ограничиваются лишь специально отведенной для этого главой книги.

«Ethics is optics, Levinas says, but war is optics, too, as Virilio argued» [3, с. 227].

В содержании этого предложения видно, что этика сравнивается с оптическим прибором (ethics – optics), который, как известно, очень широко используется в научных исследованиях естественно-научного направления для тщательного изучения различных субстанций.

«...ethical memory calls for remembering one's own and remembering others, we also need to recognize that industries of memory constrain ethical vision» [3, с. 121] – «... этика воспоминаний призывает нас помнить о своих и помнить о чужих (других), мы также должны признать, что „индустрия памяти“ сдерживает этическое видение (ethics – optics; ethics – vision)».

Как было показано в нашей работе «Синтаксические особенности ритмической организации микротекста и модальность его восприятия (на материале произведения Вьет Тан Нгуена “The Sympathizer”)» [8, с. 44–51], концепт «memo-gy» представляет один из главных смыслов, разделяемых Вьет Тан Нгуеном как писателем. Среди прочих концептов, имеющих весомую смысло-структурирующую роль, мы уже ранее выделили те, которые располагаются в понятийно-концептуальном поле: «love – life – war – memo-gy – sensation» [8].

Следующее предложение, на наш взгляд, наглядно демонстрирует суть мировоззрения автора: «Why is it possible to murder millions and yet impossible to imagine pure forgiveness or just forgetting? Shouldn't mass murder be impossible? The fault is our own. There is no one else to blame for the limits of our spirit and our imagination» [3, с. 290].

Анализ текстового содержания публицистического произведения «Nothing ever dies» [3] Вьет Тан Нгуена показывает, что в тексте представлено множество выражений, представленных номинативом с определителем, актуализирующих смысл памяти: «industry of memo-gy» [3, с. 110], «Vietnamese memories» [3, с. 113], «their own memories» [3, с. 114], «the memories of others» [3, с. 114], «industrial memo-gy» [3, с. 115], «worldly memo-gy» [3, с. 115], «works of memo-gy» [3, с. 120], «ethical memo-gy» [3, с. 121], «the Forgotten War» [3, с. 130], «memorial power» [3, с. 136], «commemorated» [3, с. 136], «dominant memo-gy» [3, с. 138], «bunker of state memo-gy» [3, с. 139], «Korean memories» [3, с. 144], «fragmentary memories» [3, с. 151] и другие.

Одинарные лексемы и словосочетания, дополненные словами-определителями, конкретизирующими значение, такие, например, как «screen memories» [3, с. 104], «weaponized memo-gy» [3, с. 109], репрезентируют через корневую основу «mem» понятие с активным потенциалом перехода в концепт, условно названный нами «memo-gy».

Единственное словосочетание из списка выше, не содержащее морфему «mem», это: «the Forgotten War» – «Забытая война», но ведь на понятийно-смысловом уровне невозможно забыть то, чего не знал, а знание в свою очередь не могло не отложиться в памяти. Вот так об этом пишет сам автор: «Yes, remembering and forgetting entwine together; a double helix making us who we are, one never without the other» [3, с. 303].

Семантика словосочетания «one never without the other» – «одно невозможно без другого» репрезентирует прочную связь двух противоположных понятий, памяти и забвения, в языковом сознании автора. Словосочетание «entwine together» – «переплетаются» демонстрирует понимание автором

прочной связи двух понятий, а «a double helix making us who we are» – «двойная спираль, которая делает нас такими, какие мы есть», свидетельствует о ценностном отношении автора к памяти и забвению как к конструктам ментальной сущности человека.

Необходимо отметить, что в словосочетании «a double helix» – «двойная спираль» высвечивается аллюзия автора к структуре молекулы ДНК человека, которая также имеет форму двойной скрученной спирали, скрепленной множеством поперечных связей. Такое определение связанного словосочетания «double helix» можно найти в популярном интернет-сервисе «Google Переводчик»: «a pair of parallel helices intertwined about a common axis, especially that in the structure of the DNA molecule; The DNA structure is a double helix looking something like a twisted ladder» [9].

Учитывая сказанное выше, можно предположить, что в языковом сознании автора содержится прочное представление о памяти и его противоположности, забвении или антипамяти как о связанной сущности, представляющей фундаментальную ценность для человека (сравнение с молекулой ДНК не является случайным). Этим объясняется творческое и личностное стремление Вьет Тан Нгуена сохранить артефакты памяти, такие как: памятники, стелы, монументы, места захоронения воинов, фотографии с линии фронта и прочее.

Следовательно, можно предположить, что концепт «memory» в языковом сознании автора имеет двойственную природу и структуру и подразумевает также концепт «forget» как неотъемлемую его часть. Двойственность, как отмечалось нами ранее, в целом характерна для художественного стиля автора и проявляется, например, в повествовании «The Sympathizer» [1] в следующих предложениях: «I am a spy, a sleeper, a spook, a man of two faces. Perhaps not surprisingly, I am also a man of two minds» [1, с. 1]; «It was, instead, the best kind of

truth, the one that meant at least two things» [1, с. 116]; «To them he's one of us, and to us he's one of them. Neither one thing nor another» [1, с. 207]; «The double meaning was also present in how cleavage separated a woman from a man and yet drew him to her with the irresistible force of sliding down a slippery slope» [1, с. 232].

Поскольку двойственность активно реализуется в художественном творчестве автора и формирует частотно представленные оппозиции концептов: «memory» – «forget»; «power» – «weakness»; «ethics» – «unethical», можно предположить существование отдельного концепта-регулятива «dual», репрезентирующего смысл двойственности в языковом сознании автора. На наш взгляд, функциональные свойства концептов-регулятивов превосходят их субстанциональность. Это свойство проявляется в том, что концепты-регулятивы реализуются в речи в связках с другими концептами, демонстрирующими большую субстанциональность, но меньшую функциональность, такими как «memory» и «power».

Мы считаем, что механизм передачи смысла от автора произведения к читателю может быть представлен в виде цепи, состоящей из трех основных звеньев (табл. 1). Первое звено выполняет сигнально-знаковую роль и может быть определено как уровень сообщения значения («Уровень значения» в табл. 1). Словосочетание «industry of memory» является условно связанным на уровне значения, поскольку функционально-подчинительная связь между словами является в некотором роде второстепенной и отодвинутой на задний план. Слово является основным действующим элементом в словосочетании, а значение этого слова выполняет сигнально-знаковую роль.

Выражения в столбце «Уровень значения», рассматриваемые изолированно, выражают через значения слов в их составе абстрактные понятия, смысл которых, однако, может оказаться весьма приблизительным ввиду недостаточности

Таблица 1

Уровни осмысления текстового содержания на примере отрывков из произведения Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» [3]

Уровень значения	Уровень понятия-концепта	Уровень смысла
/industry / of / memory/	industry of memory	This is how the <u>industry of memory</u> trains people to be part of a war machine, turning war into a game and a game into war through the narration of a first person shooter [3, с. 110]
/Vietnam / memory/	Vietnamese memories	In these and other postwar American encounters with <u>Vietnamese memories</u> in Vietnam, Americans find themselves shown in ways that bruise them [3, с. 113]
/these / own / memories/	their own memories	Exposed only to <u>their own memories</u> , Americans who come across the rememories of others often react with fury, denial, and countercharge [3, с. 114]

контекста. Так, например, высказывание из текста: «industry of memory» является частью законченного предложения: «*This is how the industry of memory trains people to be part of a war machine, turning war into a game and a game into war through the narration of a first person shooter*» [3, с. 110]; а высказывание «Vietnamese memories» – частью предложения «*In these and other postwar American encounters with Vietnamese memories in Vietnam, Americans find themselves shown in ways that bruise them*» [3, с. 113].

Высказывание «industry of memory» – «индустрия памяти» как отдельная единица дискурса на уровне «понятия-концепта» будет сигнализировать о тематических границах дискурса и создавать слабый ассоциативный импульс у реципиента. При этом в теории у реципиента могут возникать специальные вопросы уточняющего характера: Как связано абстрактно идеальное понятие «память» и вполне материально-конкретное «индустрия»? Для чего? Почему? и другие (в англоязычной традиции *Wh-questions*, или *What? When? Why? etc.*), на которые на понятийно-концептуальном уровне ответы будут найдены с трудом или не найдены совсем в виду ограниченности контекста.

Собственно контекст в форме развернутого законченного высказывания в виде предложения выводит словосочетание «industry of memory» на следующий дискурсивный уровень, а именно на уровень передачи смысла как в анализируемом нами предложении: «*This is how the industry of memory trains people to be part of a war machine, turning war into a game and a game into war through the narration of a first person shooter*» [3, с. 110] – «Превращая войну в компьютерную игру от первого лица стрелка, а эту игру в войну, индустрия памяти подготавливает людей к тому, что они могут стать частью военной машины».

Адресат, прочитав и осмыслив это предложение, уже был бы способен ответить на многие специальные вопросы, если бы они были заданы, поскольку развернутый контекст и законченное содержание способствовали бы этому. Реципиент способен примерить сказанное на себя, почувствовать, оценить, что приводит к формированию определенной индивидуализированной ассоциативной линии на уровне концептуализации знания, поскольку «Концепты не только мыслятся, они переживаются» [10, с. 41].

Таблица 2

Кросс-жанровый сравнительный анализ высказываний из текста произведений Вьет Тан Нгуена «*Nothing ever dies*» [3] и «*The Sympathizer*» [1]

Публицистический жанр, « Nothing ever dies »	Художественный жанр, « The Sympathizer »
I think my concepts of what constitutes memory have changed over the years, from thinking of memory as something concrete to something so malleable [3, с. 233]	Lastly, I sorted through the rest of my books and my records, most purchased in the States and all bearing the fingerprints of memory ” [1, с. 13]
We need an art that enacts powerful memory , an art that speaks truth to power even when our side exercises and abuses that power” [3, с. 267]	As the debacle unfolded, the calcium and lime deposits of memory from the last days of the damned republic encrusted themselves in the pipes of my brain [1, с. 50–51]
Any ethnically defined literature is bound up with that ethnic group’s history in America because so-called ethnic literatures are forms of memory saturated by ethnic problems around the remembering of selves and others [3, с. 200–201]	...I confess that I could not help but feel pity for my sorry countrymen, their germs of loss passed back and forth until I, too, walked around light-headed in the fog bank of memory [1, с. 66]
...how some Hmong refugees, healthy by all appearances, and youthful of age, go to sleep and never wake up, their black hair turned white overnight. What has traumatized, blinded, or killed these people? Memories [3, с. 234]	That haze... that haze was my life flashing before my eyes , only it unreeled so fast I could not see much of it. What I could see was myself, but what was strange was that my life unreeled in reverse, as in those film sequences where someone who has fallen out of a building and gone splat on the sidewalk suddenly leaps up into the air and flies back through the window [1, с. 176]
My memories feel as powerful to me as yours feel to you, regardless of any differences in our places in the world, but if you have access to the megaphones of industrial memory , your memories are more powerful than mine [3, с. 115]	As that last glimmer faded, it occurred to me that the light at the end of the tunnel seen by people who have died and come back to life was not Heaven. Wasn’t it much more plausible that what they saw was not what lay ahead of them but what lay behind? This was the universal memory of the first tunnel we all pass through... [1, с. 176]

Предложение выполняет свою главную роль по «формированию, выражению и сообщению определенной мысли, передаче эмоций и чувств человека... Предложению свойственны информационная (смысловая), грамматическая и интонационная завершенность, предикативность и модальность» [2, с. 467–468]. Как единица конструкта дискурса предложение остается синтаксической единицей сообщения и передачи смысла от автора к читателю. Целое множество единиц смысла принимает участие в формировании общего смыслового поля между автором и его читателем, для адекватной интерпретации которого требуется прочитать все публицистическое произведение как максимум, а как минимум – главу как условную структурную часть большого информационного поля, конструируемого автором и разделяемого, разделяемого отчасти или не разделяемого читателем.

Стивен Пинкер в своей книге «The Language Instinct» высказывается о роли предложения в передаче информации от автора к адресату следующим образом: «*Journalists say that when a dog bites a man that is not news, but when a man bites a dog that is news. This is the essence of the language instinct: language conveys news. The streams of words called “sentences” are not just memory prods... they tell you who in fact did what to whom*» [11, с. 74]. Информация, которая передается в рамках одного предложения, локализована внутри семантических единиц в его составе, что позволяет рассматривать предложение как изолированную единицу дискурса. «*...after all, a conversation and its effects are all local phenomena. And it is true that participants to interactions are actually tied to local situations*» [12, с. 169].

Такое понимание роли предложения в макроконтексте произведения укладывается в традиционное представление о его относительной изолированности: «*Traditional definitions of sentences tend to describe them as grammatically complete units capable of standing on their own and semantically independent*» [13, с. 109].

Следовательно, представляется возможным провести синтаксический анализ предложений из текстов разножанровых произведений одного автора с целью рассмотрения способов авторской организации этих высказываний и для установления смысловых соответствий при их наличии. Проанализируем предложение из художественного произведения «The Sympathizer» [1], которое можно условно назвать «предложение X»:

«*Lastly, I sorted through the rest of my books and my records, most purchased in the States and all bearing the fingerprints of memory*» [1, с. 13].

Синтаксический анализ художественного предложения X:

– повествователь: автор через речь главного героя;

– лексика: нейтральная, за исключением словосочетания «fingerprints of memory», которое является художественно окрашенным;

– авторское высказывание «fingerprints of memory» выступает в двух смыслах: прямом и переносном. Прямой смысл актуализирует вероятность оставить отпечаток пальца на чистой поверхности листа бумаги книги (предполагаемый деятель – человек), а образный указывает на возможность памяти отпечатываться в сознании людей (предполагаемый деятель – память как идеальная сущность);

– синтаксический состав предложения – нормальный, осложненный позиционированием наречия «Lastly» как первого слова, открывающего предложение (продиктовано общей ритмической организацией предложения и наличием распространенного дополнения, но, однако, несколько выходит за рамки узусуальной тенденции английского предложения располагать наречие ближе к его концу);

– наречие «Lastly» – «наконец, наконец-то» задает эмоциональный тон предложению: «Наконец было сделано то, что должно было быть сделано давно, что давно собирался кто-то сделать» с оттенком смысла удовлетворения от все-таки сделанной работы;

– общий смысл предложения: главный герой с удовлетворением закончил разбирать старые записи и раскладывать книги, в процессе чего заметил на страницах отпечатки пальцев, которые напомнили ему об определенных событиях или состояниях из прошлого.

– Sentence X = «Lastly» + Action1 + Action2 + fingerprints of memory = Memory (fingerprinting).

Проанализируем предложение из публицистического произведения «Nothing ever dies» [3], которое можно условно назвать «предложение Y»:

«*I think my concepts of what constitutes memory have changed over the years, from thinking of memory as something concrete to something so malleable*» [3, с. 233].

– Повествователь: сам автор, от первого лица;

– лексика: нейтральная, дескриптивная;

– синтаксический состав предложения – нормальный, осложненный причастным оборотом «from thinking of memory as something concrete to something so malleable», смысл которого базируется на прямом значении слов, входящих в его состав;

– общий смысл высказывания: отношение автора к тому, что называется словом «память», с годами изменилось от представления чего-то прочного (как бетон – concrete) до понимания памяти как чего-то пластичного и податливого (как железо).

– Sentence Y = «I» + Action + Concept of memory + Change = Memory (malleable).

Проанализировав типичные для автора предложения из разных по стилю произведений, мы получили условное равенство смыслов, заключенных автором в содержании этих предложений: Memory (fingerprinting) = Memory (malleable) → Sentence X = Sentence Y. Это, на наш взгляд, свидетельствует о близком контекстуально-тематическом содержании и концептуально-смысловом наполнении предложений, которое достигается автором различными художественными средствами.

Текстовое содержание произведений является целостным в каждом отдельном случае, но в то же время содержит элементы кросс-жанровости, реализованные в некоторых дескриптивных отрывках в тексте «Nothing ever dies» [3] и исторически, географически и информационно точными частями в содержании «The Sympathizer» [1]. Подобное смешение стилей также было отмечено, например, в статье «Тексты о пожилom человеке в региональном медийном пространстве», в которой авторы Л. О. Бутакова и А. И. Викулова отмечают, что «...журналистский интернет-дискурс о пожилom человеке реализует широко распространенную медийную тенденцию жанровой диффузии» [14, с. 8]. Также, Е. С. Степанова в статье «Лингвокогнитивные особенности научно-популярного медицинского дискурса» сообщает, что «При создании научно-популярного медицинского текста учитывается культурологический опыт языковой личности, что ведет к усилению информативного изложения с использованием художественных средств. Отсюда текст изобилует метафорическими средствами, эпитетами, сравнениями, что позволяет представить медицинское знание с неожиданной перспективой» [15, с. 95].

Следующий отрывок из философско-публицистического произведения Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» [3] написан, по нашему мнению, в художественном стиле. Он отличается описанием эмоционально-чувственной стороны взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Подобное описание визита в пещеру вполне могло появиться на страницах художественного произведения «The Sympathizer» [1]. Приведем весь отрывок и снабдим его переводом для наглядности.

«I made my way to where light met its opposite and I looked into the darkness. What had it been like with hundreds of people, the noise and the stench, the dimness and the terror? What was in the void now? I stood on the side of presence, facing an absence where the past lived, populated with ghosts, real or imagined, and in that moment I was afraid.

Then I heard the laughter. The girls stood on the cave's mouth, profiles outlined by sunlight, making

sure the shadows did not touch even their toes. Turning my back on all that remained unseen behind me, I walked toward their silhouettes» [3, с. 188–189].

«Я отправился туда, где свет встречается со своей противоположностью, и заглянул в самую темноту. Что чувствовали сотни людей тогда, находясь в этом шумном и зловонном месте, в котором царила темнота и страх? Что теперь в этой пустоте? Я стоял в непосредственной близости от глубины пещеры и пустоты, в которой, казалось, продолжалась жизнь прошлого, населенная призраками, живыми или вымышленными, и в этот момент мне стало страшно.

Затем я услышал смех. Девушки стояли у устья пещеры, а контуры их фигур были очерчены солнечным светом; они расположились так, чтобы тень не могла дотронуться даже до кончиков их пальцев. Обернувшись еще раз на все, что осталось в пустоте позади меня, я пошел в направлении силуэтов к выходу».

Мы считаем, что лексика, которую использовал автор в приведенном отрывке, отличается особой дескриптивностью: автор применяет непрямой метод характеристики, акцентирует внимание читателя на деталях эмоционально-чувственного восприятия действующего лица. В отрывке упоминаются три действующих лица: сам автор, девушки у устья пещеры и призраки «живые или вымышленные». Внесение в повествование такого персонажа, как «призрак», способствует приданию тексту некоторой дополнительной художественной выразительности описываемого действия и ситуации.

В то же время необходимо отметить, что «призраки» частотно входят в дискурс автора в публицистике «Nothing ever dies» [3]. Под «призраками» Вьет Тан Нгуен понимает всех погибших во время Вьетнамской войны, а в особенности погибших в тюрьмах и лагерях, которые лежат в местах массовых захоронений. «I did not feel **ghosts** at Vieng Xai but I did on my way to those caves...» [3, с. 187].

Информатизм художественного произведения «The Sympathizer» [1] заключается главным образом в том, что этот военно-исторический роман имеет в своей основе исторические факты, связанные с историей Вьетнамской войны. Историзм проявляется в выражениях, репрезентирующих достоверные географические, социально-политические и военно-исторические реалии, таких, например, как: «We could not believe that **Da Nang** and **Nha Trang** had fallen...» [1, с. 3]; «For several days I worked and reworked the list while the defenders of **Xuan Loc** were annihilated and, across our border, **Phnom Penh** fell to the **Khmer Rouge**» [1, с. 9]; «**Karl Marx**, **V. I. Lenin** and **Chairman Mao**» [1, с. 2]; «**Nikolay Chernyshevsky** actually came up with the question in his novel of the same title...» [1, с. 3];

«...and this time we heard the distinct bark of the AK-47 along with the M-16» [1, с. 47]; «...A few nights later, our ex-president secretly fled for Taiwan» [1, с. 9].

Заключение

Смысловая доминанта «memory» внутри смыслового поля «love – life – war – memory – sensation», обнаруженная нами ранее в «The Sympathizer» остается таковой и в публицистике «Nothing ever dies». Анализ публицистического произведения «Nothing ever dies» подтвердил сохраняющуюся актуальность доминантного концепта «memory», значимого концепта «power», а также позволил нам выделить и описать свойства концептов-регулятивов «ethics» и «dual».

Итак, на наш взгляд, необходимо внести ясность в ключевые положения исследования на данном этапе:

- произведения одного автора «The Sympathizer» и «Nothing ever dies» сравнимы и сопоставимы; они демонстрируют идентичность основных концептуально значимых смыслов, разделяемых автором этих произведений и сообщаемых адресату;

- языковое сознание автора выступает в качестве смыслового ядра, которое продуцирует смыслы, выраженные в понятийно-концептуально наполненном содержании, представленном художественным или философско-публицистическим нарративом;

- набор значимых концептов, найденных в одном произведении, однороден набору концептов в другом произведении, что также свидетельствует о

наличии единого смыслового центра. Концептуальное поле «love – life – war – memory – sensation», содержащееся в «The Sympathizer», также присутствует и в содержании «Nothing ever dies»;

- стилистический, синтаксический, концептуальный и компонентный анализ двух текстов позволил выделить, ранее не отмеченные нами функциональные концепты-регулятивы «ethics» и «dual», реализуемые в речи в связках с другими концептами, демонстрирующими большую субстанциональность, но меньшую функциональность, такими как «memory» и «power»;

- двойственность концепта «memory» не является внутренним атрибутом этого концепта, а возникает под влиянием концепта-регулятива «dual». Это же справедливо для других субстанциональных концептов, таких как «power»;

- концепт-регулятив «ethics» является операционным концептом, связывающимся через собственный оценочный компонент «moral» с другими концептами, такими как «war», «peace», «justice» и другими;

- текстовое содержание произведений является целостным в каждом отдельном случае, но содержит элементы кросс-жанровости, представленные некоторыми дескриптивными отрывками в «Nothing ever dies» и исторически-информационно точными частями в «The Sympathizer»;

- авторское сознание, выступая в качестве целостного смыслового ядра, и доказанная нами кросс-жанровость двух произведений наводят нас на предположение о совместимости и взаимодополняемости двух произведений по принципу Puzzle.

Список литературы

1. Viet Thanh Nguyen. The Sympathizer. New York: Grove Press, 2015. 370 p.
2. Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811 с.
3. Viet Thanh Nguyen. Nothing Ever Dies. Vietnam and the Memory of War. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2016. 374 p.
4. Кузнецов В. Г. Словарь философских терминов. М.: Инфра-М, 2005. 731 с.
5. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
6. Асратян З. Д. Эстетическая информация художественного текста и ее концептуализирующая роль // Наука о человеке. 2016. № 24. С. 10.
7. Jimmy H. M. van Rijt, Peter J. F. de Swart, Astrid Wijnands, Peter-Arno J. M. Coppen. Linguistics and education. 2019, August. Vol. 52. P. 78–88.
8. Мячин К. А. Синтаксические особенности ритмической организации микротекста и модальность его восприятия (на материале произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer») // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 1 (35). С. 44–51.
9. Google Переводчик. URL: <https://translate.google.kz> (дата обращения: 24.08.2019).
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа. Языки русской культуры, 1997. 824 с.
11. Pinker Steven. The Language Instinct. Perennial, 2000. P. 502.
12. Linell Per. Language Sciences. Vol. 40, November 2013. P. 168–173.
13. Finch Geoffrey. Key concepts in language and linguistics. Palgrave. Macmillan, 2005. 249 с.
14. Бутакова Л. О., Викулова А. И. Тексты о пожилom человеке в региональном медийном пространстве // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 5 (202). С. 7–15. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-7-15.

15. Степанова Е. С. Лингвокогнитивные особенности научно-популярного медицинского дискурса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 4 (201). С. 95–101. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-95-101.

Мячин Константин Александрович, аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 664077), старший преподаватель, Северо-Казахстанский государственный университет им. академика М. Козыбаева (ул. Пушкина, 86, Петропавловск, Республика Казахстан, 150000).
E-mail: konstmyal@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.09.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-54-63

CONCEPTS “ETHICS”, “MEMORY” AND “POWER” IN CROSS-GENRE COMPARATIVE ANALYSIS (BASED ON THE WORKS OF VIET THANH NGUYEN “NOTHING EVER DIES” AND “THE SYMPATHIZER”)

K. A. Myachin

Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Introduction. In this article we attempted to analyze the textual material of two multi-genre works written by one author. Our attention was drawn to the mechanisms of actualization of meaning at the level of words, phrases and sentences. In the course of our analysis, we also identified concepts that are significant for the author and described the role of concept-regulators in the formation of meaning represented in fiction and publicistic texts.

Purpose of the study. Our purpose is to analyze the textual material of two multi-genre works of literature and prove that certain set of relevant meanings, represented by the concepts “ethics”, “memory” and “power” within the text of a publicistic work, will also be present in the conceptual-semantic content of the work of fiction by the same author.

Material and methods. We have used the following methods: conceptual and structural analysis of the text, stylistic analysis of the text, associative-semantic interpretation of the text in the context of communicative and anthropocentric paradigms; morphological, lexical and syntactic analysis of the text with allocation of its separate levels represented by a word and an utterance. Works of Viet Thanh Nguyen “The Sympathizer” and “Nothing Ever Dies” with a total volume of 727 pages is the material of the research.

Results and discussion. The study confirmed the suppositional hypothesis. The semantic dominant “memory” inside the semantic field “love – life – war – memory – sensation”, which we discovered earlier in the analysis of the “The Sympathizer”, remains analogous in the publicistic work “Nothing Ever Dies”. The analysis of the work “Nothing Ever Dies” confirmed the remaining actuality of the dominant concept “memory”, the significant concept “power” and also allowed us to highlight and describe the properties of the concept-regulators “ethics” and “dual”.

Conclusion. The stylistic, syntactic, conceptual and structural analysis of the two texts allowed us to single out previously unnoticed functional concepts-regulators “ethics” and “dual” implemented in speech in conjunction with other concepts that demonstrate greater substantiality, but less functionality, such as “memory” and “power”. The duality of the concept “memory” is not an internal attribute of this concept, but arises under the influence of the concept-regulatory “dual”. The same is true for other substantial concepts, such as, for example, “power”.

Keywords: *concept, concept-regulator, multi-genre works, publicistic work, discourse, transmission of meaning.*

References

1. Viet Thanh Nguyen. *The Sympathizer*. New York, Grove Press, 2015. 370 p.
2. Starichenok V. D. *Bol'shoy lingvisticheskiy slovar'* [Great linguistic dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2008. 811 p. (in Russian).
3. Viet Thanh Nguyen. *Nothing Ever Dies. Vietnam and the Memory of War*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2016. 374 p.
4. Kuznetsov V. G. *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow, Infra-M Publ., 2005. 731 p. (in Russian).
5. Karasik V. I., Prokhvacheva O. G., Zubkova Ya. V., Grabarova E. V. *Inaya mental'nost'* [Different mentality]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 352 p. (in Russian).
6. Asratyan Z. D. Esteticheskaya informatsiya khudozhestvennogo teksta i yeye kontseptualiziruyushchaya rol' [Aesthetic information of imaginative literature and its conceptualizing function]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya – The Science of Person: Humanitarian Research*, 2016, no. 24, pp. 10–17 (in Russian). DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.24.10.
7. Van Rit J., de Swart P., Wijnands A., Coppen P.-A. When students tackle grammatical problems: Exploring linguistic reasoning with linguistic metaconcepts in L1 grammar education. *Linguistics and Education*, 2019, vol. 52, pp. 78–88.
8. Myachin K. A. Sintaksicheskiye osobennosti ritmicheskoy organizatsii mikroteksta i modal'nost' yego vospriyatiya (na materiale proizvedeniya V'et Tan Nguena The Sympathizer) [Syntactic peculiarities of rhythmic organization of microtext and modality of its perception (on the material of

Viet Thanh Nguyen's The Sympathyzer]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya – The Science of Person: Humanitarian Research*, 2019, no. 1 (35), pp. 44–51 (in Russian).

9. Google Perevodchik [Google translate]. URL: <https://translate.google.kz> [www.translate.google.com] (accessed 24 August 2019).
10. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 824 p. (in Russian).
11. Pinker Steven. *The Language Instinct*. Perennial, 2000. 502 p.
12. Linell Per. *Language Sciences*. November 2013, volume 40, pp. 168–173.
13. Finch G. Key concepts in language and linguistics. Palgrave. Macmillan. 2005. 249 p.
14. Butakova L. O., Vikulova A. I. Teksty o pozhilom cheloveke v regional'nom mediynom prostranstve [Texts about an elderly person in the regional media space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 5 (202), pp. 7–15 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-7-15.
15. Stepanova E. S. Lingvokognitivnyye osobennosti nauchno-populyarnogo meditsinskogo diskursa [Linguocognitive peculiarities of the scientific and popular medical discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 4 (201), pp. 95–101 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-7-15.

Myachin K. A., Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).

E-mail: konstmya1@mail.ru